

The background of the entire page is a painting. It depicts a person from behind, wearing a dark coat and a hat, standing in a vast field of tall, golden-brown grass. The person is looking out over a distant, flat landscape under a sky with large, billowing clouds. The overall mood is contemplative and serene.

Юрий Мамлеев
Россия Вечная

Юрий Мамлеев
Россия Вечная

ИГ "Традиция"
2011

УДК 87
ББК 14

Мамлеев Ю. В.

Россия Вечная / Ю. В. Мамлеев — ИГ "Традиция", 2011

ISBN 978-5-9905-747-9-3

Огненно-пронзительная искренняя книга Юрия Витальевича Мамлеева «Россия Вечная» – живой поток, утоляющий жажду взыскующего России. Через волшебный русский язык, через великую русскую литературу начинает Мамлеев познание метафизической сути нашей родины, проводя через этот процесс читателя. Его Русская Доктрина берёт новые духовные высоты, продолжая наследовать русской философии, всегда ищущей и утверждающей русскую идею. Эта работа не оставит никого равнодушным, потому что она заставляла «гореть» самого автора, считавшего книгу «Россия Вечная» венцом своего творчества.

УДК 87
ББК 14

ISBN 978-5-9905-747-9-3

© Мамлеев Ю. В., 2011
© ИГ "Традиция", 2011

Содержание

Предисловие	6
Россия Вечная	12
Часть I	14
Глава первая	14
Глава вторая	30
Глава третья	36
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Юрий Мамлеев

Россия Вечная

Предисловие

«Россия Вечная» и русская философия

Имя Юрия Витальевича Мамлеева, автора десятков рассказов и романов, переведенных на многие языки мира, широко известно в России и за рубежом. Юрий Мамлеев родился в 1931 году в Москве. В 1960-е годы он был одним из вдохновителей и неформальных лидеров движения «неконформистов», объединявшего философов, писателей, художников, ярких представителей богемы и элиты советского общества. В 1974 году Мамлеев был вынужден эмигрировать из СССР сначала в США, а затем позже – во Францию, где он жил и работал до 1989 года. С эпохой перестройки открылась возможность снова бывать в России, куда Мамлеев с супругой окончательно и возвращаются в начале 1990-х годов. С тех пор в России опубликовано множество его литературных произведений. Юрий Мамлеев также известен как философ благодаря двум основным своим работам – «Судьба бытия» и «Россия Вечная».

Настоящее издание книги «Россия Вечная» – третье по счёту. Впервые она вышла в свет в 2002 году в издательстве «АиФ-Принт». Книга не только сразу привлекла к себе внимание в философской среде, но сделалась также предметом обсуждений и изучения более широкого круга читателей. В 2011 году в издательстве «ЭКМО» в серии «Библиотека всемирной литературы» работа «Россия Вечная» вышла повторно. И снова – мощный общественный резонанс, книгу читают, она востребована.

В 2012 году за этот труд Юрию Мамлееву присуждена премия Правительства Российской Федерации. И вот теперь эта работа выходит вновь в издательской группе «Традиция».

Три издания за 15 лет для философского труда в XXI век – это по меньшей мере немало. Философия в современном мире отодвинута куда-то на задний план, она стала сегодня делом узкого круга специалистов. Назвать «философией» жизни наше жадное, потребительское отношение к планете и друг к другу, как-то даже язык не поворачивается. Материализация всех человеческих ценностей опускает нашу общую философию жизни на очень грубый, низкий уровень, где все взаимодействия между людьми сводятся к шуршанию банкнот. Казалось бы, философия денег – какая же эта философия?! Но реальной всеобщей альтернативы у нас пока нет не то, что в планетарном, но даже и в государственном масштабе, и мы вынуждены с прискорбием это констатировать.

Жизненная философия, понятная, обоснованная мировоззренческая парадигма необходима всем людям, даже тем, кто склонен это отрицать. Ибо она даёт ответ на исконные вопросы: какова природа реальности? кто я? зачем мне быть? Такая философия стоит на стыке религии, науки, общественных отношений и определяет цели и задачи жизни всех людей: как каждого отдельного индивида, так и всех, взятых вместе, как некой общности. Иногда она является чем-то примитивным, вроде племенного пантеизма, но может доходить и до утончённых форм нравственности и эстетики, которые следуют более возвышенным образцам братской любви, жертвенности и смирения. В основе всякого общества, социального строя обязательно лежит базовая национальная философия – мы видим это на примерах Вавилона, Египта, Персии, Эллады, Рима... В течение тысячелетней эпохи Византийской империи философия прочно сливается с православным вероучением и изложена в массах трудов «святых отец наших». В то же время на Востоке, в Индии и Китае, философия даёт чёткие ориентиры прежде всего для ищущих Пути, а также и для всех остальных, которым предлагаются «закон» и «пантеон». Даже в отношении исчезнувших цивилизаций доколумбовой Америки мы можем утверждать, что в их основе лежала самобытная философская система. Практически философия везде неотделима от религии, без Бога любая философия

теряет свой смысл за неимением оснований, становится выхолощенной. Это, например, мы наблюдаем сегодня на Западе, где философия зашла в глухой тупик материализма и позитивизма.

Другое дело – русская философия. Надо сказать, что само её существование до сих пор оспаривается в научной среде. Некоторые западные авторы вообще исключают русскую философию «из списка», её как бы и нет вовсе. Их можно понять, ибо русская философия коренным образом отличается от их собственной. Тут случается курьёз: мы их понимаем (разумеется, в рамках философского дискурса), а они нас нет. Может быть, не хотят, может быть не могут, итог один и тот же. Причём все в принципе даже согласны, что западная философия «умерла» довольно быстро вслед за тем, как на Западе «умер Бог». Значит ли это, что в лице западной философии мы имеем дело с трупом? О чём же можно говорить с трупом?

Разумеется, впрочем, что так называемая «западная философия» – не единственная система организации ценностей, чему подтверждением служит массовая приверженность западного же общества к восточным доктринам. Ибо на Востоке осталось то, что фактически полностью утрачено на Западе: преемственность, живая нить посвящения.

Можно было бы назвать философией симбиоз западного эзотеризма с тайными учениями Востока. Но куда она ведёт, что она даёт? Часто за поиском «тайн» кроется лишь стремление индивида осуществить личное могущество. Философия личного могущества всегда упирается в барьер дозволенности, преодолеть который без «санкции свыше» невозможно. Поэтому очевидно, что пока «Бог есть», сохраняется и сама возможность существования «философии»; как только «бога нет», и Человек занимает место бога, становится превыше всего, – какая уж тут может быть философия, кроме оголтелого, неприкрытого, наглого вранья? Широко растиражированный по всему миру образ жизни западного человека никакой реальной философии в себе не несёт. Скорее наоборот, он вызывает подчас только зависть и злость со стороны «традиционных» обществ, в которых западные ценности совершенно неприемлемы, в которых религиозная составляющая играет неподдельно важную роль. Так и для русского человека западная модель остаётся лишь элементом личного предпочтения, ибо у него есть всегда еще одна, своя, внутренняя философия причастности к своей великой, тайной родине, России.

Русская философия определённо существует, причём в самом лучшем смысле слова. Вспомним хотя бы таких величайших её представителей, как Федоров, Соловьев, Бердяев, Флоренский, Лосев. Подчас в ней обнаруживаются некоторые противоречия, как например, «западничество» и «славянофильство»; всегда они завершаются синтезом, обе партии приходят к соглашению, что первостепенное значение имеет само бытие России, а выбор вектора – Восток или Запад – зависит во многом от обстоятельств. Русская философия прежде всего требует правды, свободы, справедливости, и именно в этом ключе в основном разрешаются её основные вопросы. Неотъемлемой составляющей русской философии является космизм, этот факт в значительной мере способствует соединению её с наукой.

Русская философия в основе своей глубоко религиозна. Её основные вопросы в основном имеют идеалистический и богословский характер и не разрешимы в контексте «секулярного» дискурса. Тут важно особо отметить её тесную связь с Православием, в котором открывается живая связь с Традицией, направления духовного роста, критерии внутреннего поиска. Корни русской философии уходят, однако, глубже в пучину народного самосознания, народной памяти, где всегда сочетаются обязательная вера в Бога и бесконечная любовь к Матушке России. Образ Китеж-града, Святой Руси весьма характерен именно для русской философии, в нём соединяется память нашего изначального единства и чаяния грядущего уже скоро воссоединения; образ этот вневременной, чисто философский.

Новую, неожиданную специфику раскрывают на русской почве различные тайные ордена, мистические учения, народные секты; у них обнаруживается иная, самобытная духовная составляющая. Никакие заговоры, расколы и революции не мешают в итоге всем русским людям пребывать в философском единстве, осознавать собственную тождественность с общей философской идеей, часто не до конца понятой, но явно данной сознанию в быту, в культуре. Такова русская идея, над которой в черед поколений размышляли лучшие умы своего времени, и о чём осталось у нас масса свидетельств. Русская идея имеет глубочайшую историю и традицию.

«Русская философия самобытна прежде всего тем, что в определённом её направлении сама Россия становится в ней «объектом» философии»¹, – пишет Юрий Мамлеев. И в этом отношении труд самого автора весьма показателен. В нём он исследует сами истоки русскости, Россию Вечную, как сверхвселенское поле бытия, космологически явленное на разных уровнях мироздания. Россия как идея, как философская константа, становится центром всего философского поиска.

Нужно отметить, что работа Юрия Мамлеева «Россия Вечная» тесно связана с его предыдущим философским трактатом «Судьба бытия»². Этот трактат является итогом длительного, напряженного философского поиска, основанного на ясном внутреннем ощущении собственной неразрывной связи с Абсолютом. В этой работе автор излагает те основные философские положения, на которых базируется дальнейшее видение русской доктрины. Прежде всего здесь открывается «высшее Я» человека, которое осознаётся как неразрывная связь между данным индивидуальным человеческим существом и самим Творцом. «Судьба бытия» утверждает абсолютное тождество между личным бытием в своем высшем смысле, сформированным вокруг индивидуального Высшего Я, и Абсолютом, источником и вместилищем всякого бытия как такового. Когда иллюзия разрыва между мной (моим Высшим Я) и Богом развеяна, когда собственное тождество с Абсолютом прочно восстановлено, встаёт вопрос, а что же дальше? Есть ли, может ли быть что-то ещё? Так перед взыскующими открывается Бездна небытия, внереальность за пределами Абсолюта. Это бездна того, чего нет, что невозможно себе даже представить, и потому она не укладывается в идею Единого, который мыслится как полнота и содержание всякого бытия. Получается, что есть Всё, и «нет ничего», что в принципе одно и то же, однако существует между ними ясное различие, а стало быть и граница³. Так складываются «Последние отношения».

В работе «Россия Вечная» Юрий Мамлеев раскрывает новые грани Абсолюта. Сама Россия предстаёт здесь как метафизическая реальность, она мыслится как «область», где Абсолют достигает собственного предела. Предел Абсолюта понимается как особое его качественное состояние, по аналогии с пределом мечтаний, пределом знаний, пределом возможного. Здесь, в России, полнота бытия исчерпывает себя, достигает границ, выход за которые невозможен, ибо за ними – Бездна небытия. Именно в России соединяется противоположное – всё, что вообще есть, и то, чего нет и не может быть. В этом кроется её особая роль в мироздании, её высшая суть, её вселенское предназначение.

Доктрина Вечной России являет собой квинтэссенцию русской идеи. Она открывает иное измерение бытия, в котором разворачивается космическое предназначение русской души. Через Россию, в России проходит, происходит невидимая грань, водораздел, и в то же время осуществляется соединение, сочетание взаимоисключающих данностей. Здесь, на духовной «периферии» Абсолюта, «вдали» от центра высшего единства, в состоянии соб-

¹ Страница 63 настоящего издания.

² Работа «Судьба бытия» в основном написана автором в эмиграции и впервые опубликована в России в журнале «Вопросы философии» в 1993 году. Позже выходила отдельным изданием: «Судьба бытия. За пределами индуизма и буддизма», М.: Эннеагон, 2006.

³ Надо отметить, что ничего подобного нет больше ни в одной известной мировой философской системе.

ственной раздробленности на индивидуальные составляющие, абсолютное бытие смыкается со своей мета-противоположностью, с Бездной внереальности, так Россия обретает своё космологическое воплощение.

Метафизическая сущность России проявляется в России исторической. В наших локальных планетарных условиях разворачивается вселенская драма бытия. Здесь, в нашем дольном человеческом мире, реальность Абсолюта достигает собственного предела, здесь открывается окно, дверь, связь с запредельным, с внереальным. Эта связь отражена и проявляется в тех специфических качествах русского сознания, русской жизни, которые так явственно отличают человека русского от нерусского. Например, лихая бесшабашность, безумная расточительность, истовая жертвенность, непреклонное упорство, всепоглощающая вера. Множество прекрасных примеров святости подарило миру подвижничество святых отцов русской земли. Русские богатыри, исследователи, первопроходцы славятся своей могучей силой и ратным подвигом. Всеми этому причиной служит «русский дух», в котором запечатлена высшая сущность России.

«...В этом метафизическом космологизме России отражено все ее парадоксальное положение и по отношению к Богу, и по отношению к миру. Поэтому совершенно ясно, что национальное, русское в России, связанное с особым метафизическим и космологическим началом, выходит за пределы общечеловеческого. Можно даже без преувеличений сказать (учитывая, например, состояние современного человечества), что самое худшее в русских – это то, что они – люди, а самое лучшее – то, что они русские»⁴.

Всё это, впрочем, далеко от концепций банального национализма. Никакого явного человеческого преимущества в своей изначальной метафизической предрасположенности русские не имеют, скорее наоборот, в духовном плане это создает дополнительные сложности, бросает вызов иному космическому масштабу. При этом русским присущи качества иного плана, связанные с особым устройством души, с переживанием необъяснимой тоски по запредельному, с близостью сил хаоса, который в России обретает качества сакральности. Всех русских роднит любовь к России, эта любовь необъяснима, иррациональна, сверхличностна и порой превосходит даже любовь к Богу.

«Понятно теперь, почему внезапно, даже у русских людей, возникал страх перед Россией, непомерный страх. Это происходило не только по социальным причинам, а гораздо глубже. Действительно, трудно быть русским (в полном смысле этого слова), ибо трудно человеку вместить то, что вмещает Россия»⁵.

Русские – это не просто этнос или социальная группа, ибо само понятие русскости выходит за рамки планетарной жизни. Быть русскими могут люди разных национальностей, и примером тому – наша страна, в которой сотни различных народов самообъединились в единую Россию, сохраняя при этом свою национальную идентичность и самосознание. Многие «иностранцы» часто открывают в своих душах необъяснимую, непреодолимую тягу, любовь к России, ощущают собственную причастность к её земной судьбе, к её великой тайне. Русская культура и, прежде всего, великий русский язык являются проводниками в глубины русского духа, позволяют всем без исключения вливаться в поток русского бытия.

Такое положение России очевидно вызывает яростное противодействие со стороны сил, беспрекословному владычеству которых она препятствует самим фактом собственного бытия. Юрий Мамлеев иногда называет эти силы «великим хаосом»⁶ (в противоположность сакральному хаосу). Русофобская позиция сил великого хаоса таким образом ясна. Но странная загадка заключается в том, что без России наш земной мир, наша планетарная цивили-

⁴ Страница 153 настоящего издания.

⁵ Страница 167 настоящего издания.

⁶ Например, см. «В ПОИСКАХ РОССИИ», «Литературная газета», 27 сентября 1989 г.

зация просто распадается. Её роль «мирового», который выстраивает порядок там, где царит великий хаос, связует и структурирует иначе несоединимое, никто больше принять на себя не в состоянии. Всякие попытки изолировать и устранить Россию приводят только к усилению процесса энтропии всего остального мира. Да это и невозможно в принципе.

Сегодня в ряды русских внесён раздор. Раздор этот нам навязан, как, впрочем, это бывало и прежде. Идёт направленная, непрекращающаяся агрессия против русского духа, с целью сломить его, подчинить чужой воле. В этой борьбе все стороны несут тяжкие потери, наступления сменяются капитуляциями, атаки получают отпор. Между тем нет никаких препятствий для того, чтобы между собой все русские снова ощутили себя братьями, связанными единой родиной и единой идеей. Русской идеей, идеей России Вечной. Подобное сплочение единственно и может быть противопоставлено направленной внешней агрессии, способно её обуздать.

Преодолению внутренних противоречий должна служить ясная, объективная философская доктрина, которая способна дать людям основополагающие понятия и ценности, систему связей и способы коммуникации. Уже одна только изоляция разобщающего фактора неизбежно ведёт к упрочению единства в народе, тем более, когда у людей появляется ясная, адекватная цель, общее дело. Причём, что особенно важно, такое единство уже существует, изначально, всегда. Всем русским это известно.

Поэтому в своей работе «Россия Вечная» Юрий Мамлеев обращается далее «к социально-государственным реалиям» и пишет «Таким образом речь опять идёт о НГИ (национально-государственной идеологии)...»⁷. Идеям Русской доктрины суждено воплощаться в реальности. Для этого необходимо «русский патриотизм», идущий из самых глубин народных масс и являющийся базой для всего остального, сочетать с «общероссийским патриотизмом», социально-ориентированной программой развития Российского государства.

«По существу, Русская доктрина (Русская идея) совместима с любым политическим строем (исключая предательский), имеющим высшую цель не политическую как таковую, а саму Россию»⁸.

Россия – многонациональное, многоконфессиональное государство. И это не мешает ей сохранять своё единство и свою целостность вопреки всем ожиданиям и нападкам своих противников. Равным образом ничто не мешает другим этносам и группам ощутить себя органичной частью России. Причем именно изнутри, когда весь народ уверенно входит в состав России, без всяких войн, без братоубийства. Ибо многим понятно, что Россия сегодня становится последним оплотом в заключительном акте борьбы за планету. Только она имеет потенциал для объединения и примирения всех противоборствующих сторон, для нахождения всеобщего компромисса, для установления планетарного консенсуса. Миротворческая миссия России имеет сейчас (как и прежде) огромное значение для всего мира, и многие страны готовы её в этом поддержать. Поскольку все люди всех стран на нашей Земле хотят мира, мира для всех, мирного неба над головой для себя и своих детей.

Национальная философская парадигма, основанная на философии русской доктрины, имеет огромный цивилизационный потенциал, поскольку содержит в себе достаточное основание для объединения всех слоев общества в единую народную-государственную силу. «А это – по большому счету – нельзя сделать без постепенного формирования такой высоко образованной политической элиты, такого правящего класса, формулой веры которого является абсолютная бескомпромиссная преданность России, ее народу, идее Самобытности и Сверхценности России и полная неподкупность в этом отношении»⁹.

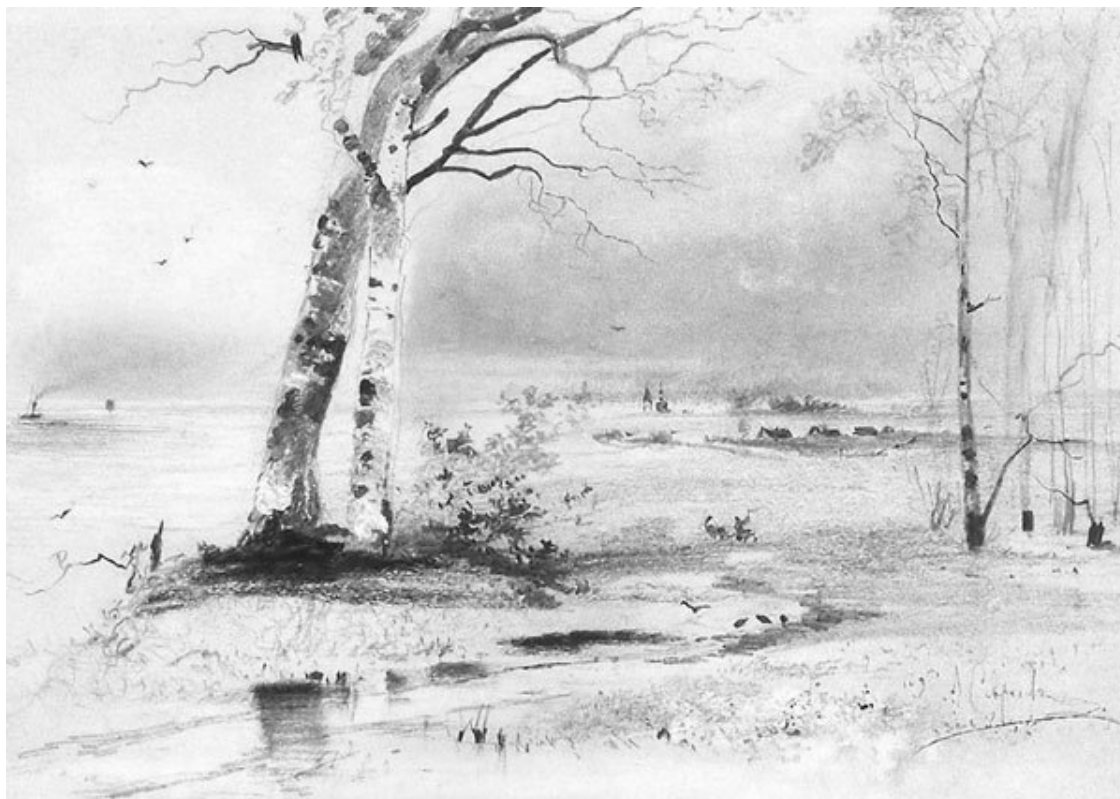
⁷ Страница 221 настоящего издания.

⁸ Страница 225 настоящего издания.

⁹ Страница 217 настоящего издания.

Целью настоящего издания является привлечение всеобщего внимания к вопросу о создании народного общественного движения в поддержку идей доктрины России Вечной. Многим сегодня очевидна та исключительная сила, которая явлена через Россию всему миру, многие ощущают себя частью этой силы и гордятся этим. Все это зиждется на русском духе, которым обладают русские души, и который безразрывно связан с Россией исторической. Существуют все основания для формирования нового типа русского государства, ядром которого станет идея России как высшей ценности. Это полностью соответствует ожиданиям народа, стремлениям патриотически ориентированной элиты, да и самой космологической сути «России Вечной».

Тимофей Решетов

Алексей Саврасов. Ранняя весна. Березы у реки. 1893

Россия Вечная

Эта книга посвящена исследованию русского национального духа как на его вневременном, вечном уровне, так и в его проявлениях в нашей культуре, искусстве, истории, философии, образе жизни и т. д., а также в его скрытых моментах, таящихся в глубинах Русской Души и нашей жизни. Сначала, в первой части, идет «погружение» или исследование этого, путь русскоискательства, познание России. Во второй части следуют окончательные глобальные выводы, которые приводят к образованию Русской Доктрины, включая ее космологические, метафизические и экзотерические (обращенные к социально историческим реалиям) стороны.

Необходимо отметить, что слово «русский» употребляется здесь не только в смысле собственно русских. Это понятие («русский») употребляется здесь также и в духовном смысле: к русским могут относиться все, кто любят Россию, живут в русской культуре и в русском языке, считая Россию своей Родиной. Более того, известны случаи, когда люди других стран, принадлежащие к совершенно другой культуре и цивилизации, испытывают таинственную и непонятную для них самих любовь к России, неустрашимое влечение к ней и даже посвящают свою жизнь России и ее познанию. О таких говорят: они родились с Русской Душой, они духовно русские.

Юрий Мамлеев

Алексей Боголюбов. Зима в Борисоглебске. 1881

Часть I Древо России

Глава первая Русская поэзия

Наше исследование и погружение в бездну русского духа, в свою бездну, начинается с русского искусства, точнее, с литературы и поэзии, ибо именно в них присутствует тайная мощь пророчества, видение всего потока и сути жизни, а также потому, что образ бывает нередко глубже самой мысли или, во всяком случае, не уступает самым глобальным интеллектуальным прозрениям. Недаром в Индии людей высшего искусства приравнивали к браминам. Мы увидим, что и в России наши поэты и писатели фактически создали грандиозную панораму метафизической жизни России, картину ее внутреннего самосознания. Но эта огромная, подлинная сокровищница России до сих пор не раскрыта и не понята полностью, хотя все их произведения – перед нами, перед нашим взором.

Я начну с поэзии, именно с русской патриотической лирики, в которой наиболее отчетливо проявлены важнейшие качества нашего национального духа. Стихи, о подтексте которых я хочу говорить, являются, по существу, хрестоматийными: их знает большинство русских людей, как знают они прозу Гоголя, Достоевского, Толстого. Тем не менее «хрестоматийность» этих стихов отнюдь не отменяет не только их необычную философскую глубину и поэтическую силу, но и их загадочность.

Думаю, что в основе всей русской классической литературы, в ее подоснове (а не только в этих стихах, конечно) лежит глубочайшая эзотерическая философия жизни, одним из важнейших аспектов которой является познание самой России и созерцание ее тайны. Для Русской Души самый кардинальный вопрос – «Что такое Россия?». Поэтому не только в литературе и в искусстве, но и в русской философии Россия фактически стала одной из важнейших тем (в том смысле, в каком в обычных случаях объектом философствования являются Ничто, Бытие и т. д.).

В этом проявляется явная самобытность русской культуры и русского ума. (Другой несомненный аспект – связь с Востоком, особенно с Индией.) Однако этот процесс русского самопознания, русскоискательства только начат в исторической России. Такое искательство не раз – в разной форме – отмечалось глубокими наблюдателями; в частности, Рудольф Штайнер¹⁰ отмечал, например, что русские еще не знают (в полной мере) собственной души, и реализация Русской Души – дело будущего (в историческом смысле, конечно).

Правда, здесь необходимо сделать некоторую поправку, по крайней мере, в форме следующего вопроса: можно ли вообще это «знать», нет ли здесь аспектов, выходящих за пределы всякого знания? Тем не менее проблемы русского самопознания и исторического предназначения России остаются главнейшими проблемами русской духовной истории (наряду с религиозными вопросами). Они с различных точек зрения решались русской мыслью как древней, так и новейшей. Все предлагаемые «ответы», несомненно, представляли собой какие-то грани великой истины о России. И, по крайней мере, существенная часть этой истины выражена с огромной силой в русской классической литературе.

Но метафизика России, лежащая в подтексте ее патриотической лирики, имеет, на мой взгляд, бесценное значение. И хотя не все, что создано в этой сфере, я буду рассматривать

¹⁰ Рудольф Штайнер (1861–1925) – немецкий философ, основоположник антропософии.

сейчас, все-таки и в этой «капле» отражены глубочайшие бездны русского микрокосма. Тем более что в этой «капле» представлены имена величайших русских поэтических гениев: Пушкина, Лермонтова, Блока, Есенина.

Начнем с небольшого шедевра Пушкина «Два чувства дивно близки нам». Это стихотворение, по существу, является поэтической объективизацией космического значения родины: не только России, но и Родины вообще. Пушкин здесь интуитивно угадал или, точнее, переоткрыл древнейшую эзотерическую мудрость: для человека место его рождения важнее всей вселенной, ибо это та точка, то место космоса, которое астрологически и духовно определяет внутреннюю суть родившегося человека. Оно действительно дано человеку «по воле Бога самого», поэтому отказ от родины, духовный отказ от родины является, по сути, актом самоубийства, гораздо более страшным, чем физическое самоубийство, ибо это отказ также от самого себя, от своего главного предназначения, от своей внутренней интимнейшей сути, от своего духовного сердца. Результатом этого отказа может быть только смердяковщина в ее пародийно-космическом смысле, как выражение предательства по отношению к своему собственному сердцу, к своей душе. Дальнейшим прогрессом в этом отношении является тотальное превращение человека в роботообразное существо, пусть и надевленное внешним интеллектом и даже принадлежностью к религии, но еще более жуткое при этом: из-за полного отсутствия человека внутреннего и духовной первоосновы.

Патриотизм Пушкина, его широчайшая, как бы слитая со стихией русских народных легенд и сказок, любовь к России бесконечны, но именно Лермонтову, на мой взгляд, суждено было первому совершить важнейший поворот в русской патриотической лирике, благодаря которому она приняла другое, совершенно неожиданное и метафизико-таинственное направление, которое потом, как непонятая еще до конца песня, зазвучало в лирике Тютчева, Некрасова, Блока, Есенина, Андрея Белого (в его книге «Пепел»), Волошина, Цветаевой, Клюева и других. Этот радикальный поворот совершенно ясен при внимательном чтении стихотворения Лермонтова «Родина».

Надо сказать, что гений Лермонтова занимает совершенно особое место в истории русской духовной культуры. Он явился как бы первооснователем фундаментальных течений в русской литературе. Действительно, классическая русская литература ведет начало от «Героя нашего времени», в котором заложены зерна и будущего Достоевского, и будущего Толстого. Я уже не говорю о пророческом даре Лермонтова, сравнимого разве с пророческим даром Блока, Хлебникова и Волошина. Однако в данном случае речь идет о стихотворении «Родина». Уже само начало его провозглашает новый поворот в русской патриотической лирике. Поэт говорит о своей «странной» любви, ибо она не основана на обычных патриотических воззрениях того времени. Его любовь – другая, внутренняя, направленная на какую-то тайную суть России, которую сам поэт еще не знает, но которая вызывает в нем приток почти мистической любви к Родине. Как видно из стихотворения, эта «странная» любовь связана с созерцанием русской природы и русской народной жизни («дрожащие огни печальных деревень»), которая воспринимается поэтом «с отрадой, многим незнакомой». Последние слова о том, что получить эту «отраду» не так-то просто, – ключ к пониманию того, что должен быть мистический внутренний ток, духовный контакт между русской природой и душой человека. Именно тогда и устанавливается это таинственное единство, благодаря которому совершенно очевидным становится, что образы русской природы, деревни и, с другой стороны, внутреннее состояние Русской Души – это фактически одно и то же. Первое – лишь внешнее выражение последнего. И все они вместе: и русская природа, и деревня, и это внутреннее состояние – являются, по существу, выражением иной, глубочайшей, может быть, космической тайны, тайны бытия России.

Уже это одно стихотворение Лермонтова раскрывает, что любовь к России не является для русских только естественным патриотическим чувством, а в ней, кроме того, заложено

нечто большее, чем просто любовь к Родине. Иными словами, Россия – и Родина, и чудо, и запредельная тайна, и поэтому она к себе так притягивает. То, что выражено в этом фундаментальном стихотворении Лермонтова только в зародыше, потом необъятно разлилось в загадочной и мистической лирике Блока и Есенина. Но чтобы понять это, надо иметь соответствующий духовный поток. Вот почему сущность русской патриотической лирики плохо понимается на Западе, ибо она вне западного уровня и ума вообще (как правило, ограниченного, чем и объясняется естественная неспособность западного ума понять Восток, в частности Россию и Индию). Удивительно, что в этом стихотворении Лермонтов использует древний символизм «березы», который уже по-иному зазвучал в лирике Есенина!

Итак, в этом стихотворении впервые любовь к России связана с тайной («Но я люблю, за что, не знаю сам»). Этот момент почти буквально повторяется потом в русской лирике, например у Есенина («Но люблю тебя, родина кроткая! А за что – разгадать не могу»). Видимо, окончательная разгадка этой тайны, если она действительно возможна в пределах исторического бытия, – дело далекого будущего. Однако чувство тайны России отныне стало краеугольным камнем русской поэзии, камнем, на котором может быть построен храм. Собственно, с этим «чувством» тайны связано и знаменитое тютчевское стихотворение («Умом Россию не понять»), которое наряду с отрывком из Есенина взято мной в качестве эпиграфа к избранным стихотворениям о России.

Само по себе это так называемое «чувство», несомненно, отвечает определенной космологической и мистической реальности, лежащей в основе бытия России, ибо чувство тайны, появляющееся у многих людей на протяжении веков, может возникать только тогда, когда эта тайна действительно существует. Александр Блок, может быть самый национальный русский поэт XX века после Есенина, выразил это с необыкновенной, чисто поэтической точностью («И в тайне ты почишь, Русь»). Иными словами, тайна, тайна России и, следовательно, Русской Души не просто «присутствует», не просто «факт», а сама Россия и Русская Душа лежат в ней как в своем истинном одеянии и сущности. Слова «Россия» и «Русская Душа» неотделимы от тайны. Вся эта метафизическая реальность теснейшим образом связана с другими хорошо известными качествами России, о которых, преодолевая обычную западную слепоту в отношении Востока, писали и наиболее чуткие западные писатели. Из этих качеств особенно важное – так называемая незавершенность, нежелание быть абсолютно законченным. Нигде, пожалуй, это качество не выражено так сильно, как в гениальном романе Гончарова «Обломов», ибо это не просто «Илиада» русской лени, но и намек на то, что излишняя активность, завершенность противоречат русской идее безграничности, выходящей за пределы нашего восприятия.

Эта идея «невместимости» России в мир, причем даже в мир настоящий, а не только в пародийный, «штольцевский», проходит вечной нитью в русской национальной лирике:

За снегами, лесами, степями
Твоего мне не видно лица,
Только ль страшный простор пред очами,
Непонятная ширь без конца?

А. Блок

Пожалуй, с не меньшей силой все это выражено и в стихотворном сборнике «Пепел» гениального Андрея Белого, этого Джойса русской модернистской прозы. В уникальных по мощи стихах поражает, например, одна строка: «В пространствах таятся пространства», что соответствует идее русской матрешки, а именно: Россия скрывает в себе иную Россию, идея России идет в глубь самой себя. Но как бы фантастически по-иному она ни раскрывалась в своих уходящих вдаль, убегаящих внутрь глубинах, она остается всегда той же неизменной

Россией¹¹. И, обнажая пространство за пространством, снимая покров Изида, вы видите в конечном итоге то же самое – Россию. Итак, тема России связана с идеей сфинкса, особенно у Блока, но понимаемой глубоко самобытно.

Непроявленность России, таким образом, оставляет поле для тайны, свободу космологического движения, возможность поцелуя, направленного в неизвестное. Иными словами, Россия слишком грандиозна, чтобы быть завершенной. Никакая человеческая идея не может полностью выразить ее¹². Эта незавершенность, оставляющая пространство для тайны, вероятно, и вызывает чувство тоски, то знаменитое, знакомое всем русским чувство, которое весьма трудно определить. Но его проявление представлено так хорошо в русской поэзии и литературе, что трудно даже остановиться на каких-либо примерах.

Надо, однако, предостеречь, что это «чувство» тоски и обездоленности, по крайней мере на своем последнем уровне, вовсе не носит негативный характер, а совсем наоборот, сущность его должна быть понята позитивно... Ибо это «чувство-идея», при всей своей многогранности имеющая отношение к самым разным уровням реальности, дает, например, возможность русским провидеть, предвосхитить всю необъятную загадочность своего бытия, биение своей идеи, скрытой за покрывалом бесконечного русского пространства и русской песни.

В избранных мной стихах это чувство тоски и незавершенности выражено с необыкновенной поэтической силой. Но нигде, пожалуй, оно не высказано так потрясающе, как в стихотворении Есенина «Этой грусти теперь не рассыпать». (Может быть, с такой же силой оно проявлено в русских народных песнях.) Хотя сама русская природа является здесь как бы манифестацией этой мистической лишенности и тоски, вместе с тем именно эта лишенность, обездоленность вызывает не отталкивание, но, наоборот, взрыв, поток непреодолимой любви к Родине, отчего «так легко зарыдать». Таким образом, тоска ведет к позитивному чувству любви, причем не потому, что это только простая земная обездоленность и сиротство, но и метафизическая, оттого и тоска так глубока, и любовь так сильна и непреодолима. У Блока это выражено с сокрушающей, чисто русской откровенностью:

Россия, нищая Россия,
Мне избы серые твои,
Твои мне песни ветровые —
Как слезы первые любви...

И опять: «Что ты для сердца значишь?» (Блок). Роковой, русский, пока безответный вопрос. Таким образом, русская тоска действительно часто беспредметна, хотя, казалось бы, вызывается какими-то конкретными причинами, например, видом печальных и нежных русских равнин и лесов, но сам этот вид, эта природа – скорее манифестация тайной, необъяснимой, космологической тоски. Поистине, русская природа и Русская Душа – это нечто единое. Отсюда, может быть, и одна из причин древней любви русских к своей земле. Таким образом, мы видим, что любовь русских к своей стране – отнюдь не слепая в духовном смысле любовь к Родине, она имеет глубочайшее метафизико-онтологическое основание.

Эта почти сверхъестественная любовь – и потеря ее означала бы гибель русской нации – составляет один из важнейших аспектов русского самопознания. Но прежде чем перейти к ее растолкованию, насколько это возможно в пределах человеческого разума, стоит сказать

¹¹ В связи с этим интересно замечание одного западного наблюдателя, Нетцеля: «Для русских характерно чуждое иллюзии чувство реальности, которое, однако, совмещается со стремлением к целям, осуществление которых лежит за пределами всего реального».

¹² Эта широта, необъятность идеи России проявляется, конечно, и в ее географической необъятности. Здесь поэтико-мистический патриотизм и державный (Россия как держава) полностью совпадают.

несколько слов о значимости русских поэтов, особенно в смысле их влияния на сознание людей. Хотя русская поэзия первой половины XX века дала примерно 15–17 имен поэтов необычайного, хотя и неодинакового художественного дара, лишь некоторые из них стали властителями умов и оказали глубочайшее духовное влияние на формирование сознания и ценностей у поколений XX века. Среди них, безусловно, два царских места принадлежат А. Блоку и С. Есенину, так же, как в поэзии XIX века – А. Пушкину и М. Лермонтову, в прозе XIX века – Н. Гоголю, Ф. Достоевскому и Л. Толстому. Несомненно, критерием гениальности, помимо самого поэтического таланта в узком смысле этого слова, является сотворение поэтом или писателем собственного мира, космоса, при условии его глубины, самобытности и философской значимости. И здесь Блок поистине уникален, ему нет равных в поэзии XX века, он подлинный Данте русской поэзии, создавший свой ад (мир XX века) и свой рай – Вечную Женственность как аспект Божественного проявления. Но неотъемлемой частью великой поэзии Блока явилась Россия, не ад и не рай поэта, а его тайна, его истинная любовь, которой он посвятил свои лучшие стихи. Философский, поэтический и мистический гений Блока был троекратно усилен, в смысле воздействия на умы, его стихами о России. Такое творчество, естественно, в своей важнейшей части связано с темой Родины, причем эта тема была развита Блоком до неимоверной космической глубины. Он завершил этим великие традиции патриотической лирики XIX века.

Значение же Есенина в русской поэзии и в духовном мире при всей общепризнанности его поэтического гения еще далеко не разгадано до конца, и оно настолько огромно и необычно, что не будет преувеличением сказать, что значение Есенина как национального русского поэта не уступает значению Пушкина. Но вместе с тем оно до такой степени уникально, что, собственно, поставить Есенина в какой-то ряд почти невозможно, и о его поэзии речь будет идти ниже.

После Блока и Есенина идут, несомненно, Хлебников, Цветаева и ранний Маяковский не только благодаря своим чисто поэтическим талантам, но и в силу сотворения ими своих собственных миров и лежащей в их подоснове мифологии; наконец, в силу их воздействия на умы, открытия новых путей в поэзии... Потом идут, по крайней мере, десять-двенадцать более или менее равноценных имен. Почему-то явно недооценен Заболоцкий. И, наконец, следует отметить, что в истории русской поэзии не раз случалось, что поэты не самого высшего уровня вдруг создавали отдельные поэтические циклы такой силы, которая возносила эти стихи в самый центр поэтического неба. Так было, например, с Волошиным, чей цикл о России не имеет, может быть, себе равных в русской поэзии по глубине пророческих видений. Но, прежде чем приступить дальше к погружению в философию русской патриотической лирики, нужно остановиться на феномене С. Есенина.

О Есенине написано так много, но, тем не менее, он не раскрыт даже наполовину. Разумеется, по всем общепринятым в литературной науке критериям, он – великий поэт, но суть, на мой взгляд, заключается в том, что, помимо «обычных» качеств, свойственных гениальному поэту, у Есенина есть еще одно, которое ставит его поэзию вне всяких мировых аналогий и стандартов. И прежде чем «анализировать» поэзию Есенина, попытаемся каким-то образом определить это качество, то есть определить почти неопределимое. Реальность этого качества доказана совершенно фантастическим и вместе с тем глубинно особым воздействием поэзии Есенина. Это особое воздействие совершенно реально для большинства русских читателей. Но важно понять до конца философско-метафизическую основу этого воздействия, тем более что часто довольствовались только эмоциями. Суть искусства заключается (об этом писал еще Толстой) в том, чтобы передать некий жизненный и духовный опыт. Таким образом, искусство на высшем своем уровне – совершенно непрофессиональное дело, ибо может ли быть профессией сама жизнь («профессионально» только средство передачи)? Но то, что передал нам Есенин, на своем высшем уровне входит в сферу уже

внелитературную, в ту почти невыразимую тайную сферу, где властителем является, может быть, источник нашего русского бытия или его самый тайный пласт.

Итак, это качество. Я глубоко убежден, что оно связано с тем, что поэзия Есенина вступает в соприкосновение с самым сокровенным, тайным уровнем Русской Души, с тем уровнем, который коренным образом связывает русских с Россией и с собой. Поэзия Есенина – это контакт с сокрытым миром изначальных качеств Русской Души и русского бытия¹³. Это введение в новый невидимый град Китеж, в град сокровенных пластов русского бытия. Вы, таким образом, входите в сокрытую сокровищницу собственной души, ибо Русская Душа и Россия метафизически одно и то же.

Как этого достигает Есенин конкретно, в плане слов, подтекста, интонации?

Прежде всего, целый мир, вся стихия есенинских образов почти «автоматически» вызывает в Русской Душе то соприкосновение с сокровенно русским, о котором говорилось. Эта работа – не литературный анализ, а исключительно философский, но совершенно очевидно, что образы есенинской поэзии действуют именно в этом направлении. Как известно, символика есенинской поэзии глубочайшим образом связана с народом, с крестьянством, с Древней Русью, с православной символикой, уходящей в глубь веков. Необходимо обратить внимание также на моменты созерцания и медитации в есенинской поэзии. Объектом созерцания и медитации у Есенина часто является русская природа, причем в этом созерцании важен нередкий феномен удаления России, которая, как волшебница, уходит от всякой фиксациии... Россия как бы не вмещается в мир, оставаясь при этом глубоко родной. Есенинская поэзия, несомненно, воздействует на исконно внутреннюю суть Русской Души, на ее изначальные истоки, с которыми ранее, на другом уровне, наиболее явно соприкасались народная песня и народная музыка.

В смысле средств воздействия определяющую роль играют не только есенинские звукообразы, но и интонации. Именно благодаря совершенно необыкновенным, чисто русским интонациям даже самая обычная строчка в есенинской поэзии превращается в прорыв русской стихии. Кажется, что это даже не поэзия в ее обычном смысле, а какая-то поэтическая хирургия на сердце, вскрывание его. Есенинская поэзия образует сложнейший комплекс образно-звуковых и интонационных систем, и переводить ее поэтому необычайно трудно, не говоря уже о трудностях метафизического порядка.

Но поэзия эта вместе с тем удивительно жива и конкретна и почти мгновенно вызывает духовную и эмоциональную реакцию. Конечно, она связана с образами и символикой русской природы и деревни (ведь Есенин писал, что он «последний поэт деревни»). Секрет, однако, состоит в том, что вся эта символика русской природы и деревни, которая способствует вхождению в мир сокровенно русского, является выражением определенных изначальных метафизических качеств Русской Души – и именно поэтому она, эта символика, таинственно безошибочно воздействует на любого русского человека, будь он самый закоренелый урбанист и городской житель, воздействует независимо от политических, философских и даже религиозных убеждений людей, от всего вообще, надо только быть русским духовно.

В действительности Есенин был только на одном уровне деревенским поэтом – на более глубоком уровне он был всерусским, национально-космическим поэтом, где национальное и космически-мировое были тождественны. Его образы деревни и русской природы отражают некое сокровенное состояние Русской Души. И разве сама русская природа

¹³ Вхождение в этот мир не означает контакт с чем-то только национальным в банальном смысле этого слова, но с чем-то космологическим и духовно глубоким вообще, но это духовно-глубинное является одновременно тождественным национальному так, что между ними практически нет разницы. Это означает, что Есенин, писавший почти исключительно о России, является одновременно и наряду, например, с Блоком мировым поэтом, но таким образом, что это мировое не выражается через национальное, а полностью идентично ему.

не является очевидной манифестацией Русской Души? Разве в самой русской природе не заложены каким-то образом качества Русской Души – широта, беспредельность, нежность, грусть и т. д.?

Каждый, кто знаком с духовной космологией, знает, насколько природа и даже космос связаны с человеческим сознанием, – поэтому нет ничего удивительного в том, что русская земля и природа связаны с русским сознанием и душой самым глубочайшим и взаимным образом. Именно поэтому русский человек так нуждается в русской земле и, кроме того, сама эта земля является зеркалом его души и в то же время дает ему силы.

Поэтому деревенские образы Есенина имеют всемирно-русское значение: деревня как социально-бытовой космос может исчезнуть в постиндустриальную эпоху, но воздействие есенинской деревенской символики не может исчезнуть, ибо она непосредственно связана с реалиями изначальных уровней Русской Души.

Достойными примерами этого являются не только сложные стихотворения раннего Есенина, но и лирические стихи, например, посвященные сестре Есенина Шуре. Весь поток образов в этих маленьких поэмах («сгибшая надежда», «нежная дрожь», «калитка осеннего сада», «тоскующие куры», корова, теребящая «соломенную грусть», «васильковое слово» и т. д.) направлен на внутренний строй Русской Души. Действительно, при медитативном рассмотрении этих образов видно, что они выражают не только конкретную жизнь, но в то же время символизируют определенные состояния внутреннего русского бытия.

И хотя некоторые из этих образов имеют как будто бы чисто психологический подтекст, на самом деле – во многих случаях – их подлинный смысл несравненно более глубок, и поэтому они только внешне звучат как психологические реальности, а в действительности уходят в метафизическую сферу.

Если говорить не только о приведенных стихах, но и о есенинской поэзии в целом, то очевидно, что за ее образами и за ее символикой стоят такие реалии, как «безграничность», «тоска», «бесконечное пространство», «обездоленность», «тайна», «сказочность бытия России», «природа как сторона Русской Души», «нежность», «русская незавершенность, составляющая пространство для тайны и для грядущего», «грусть всего живого»...

Все они вместе уходят в «макрокосм» Русской Души и являются отблеском подлинной ее сущности. Даже предметы русского быта в есенинской поэзии, благодаря их связи со всей остальной русскостью, становятся фактически внутренними символами, и потому такими драгоценными. Здесь нет ничего незначительного, все бьет в самые древние тайники сознания.

Особый смысл во всех этих реалиях есенинской поэзии, несомненно, имеют тоска и обездоленность, лишенность, которые, как мы отмечали, носят не только социально-психологический, но главным образом метафизический характер. Эти, казалось бы, абсолютная лишенность и тоска на самом деле могут привести к позитивным результатам. Не останавливаясь на том, что слишком уходит в духовную космогонию, можно сразу отметить, что именно эта лишенность, обездоленность вызывают настоящий взрыв любви к России. Например:

Нездоровое, хилое, низкое,
Водянистая серая гладь.
Это все мне родное и близкое,
От чего так легко зарыдать.

Такая любовь проходит великим потоком по всей поэзии Есенина. Но о любви к России и о характере этой любви – в дальнейшем.

Сейчас важно отметить, что часто самые негативные и даже разрушительные образы и символы в русской литературе, как правило, скрывают в себе неожиданные светоносные начала. Это ясно видно на примере Достоевского и Есенина. Как тоска и лишенность у Есенина только усиливали любовь к России и к ее земле, так и космическое отчаяние Достоевского вело к познанию Света, к последнему отчаянному порыву к Богу.

Не странно также, что другой фундаментальный образ есенинской поэзии, образ «ока-янной Руси», Руси тюрьмы, пьянства, бродяжничества и безумного удалства, часто смотрится как своего рода «обратная сторона» Святой Руси. При всей их противоположности они неотделимы в чем-то. Ибо ведь и святость, и «нездешность» проявляются в мире чаще всего не на фоне мелкого буржуазного благополучия... Любовь к России у Есенина носит совершенно особый характер. (И, соответственно, такая же любовь возникает и у читателей.) Ее сила зависит именно от этого соприкосновения с какой-то глубочайшей сущностью России, о чем говорилось ранее. Хотя Россия и остается как бы неузнанной до конца, загадочной, и распознаются лишь ее проявления, тем не менее, внутреннее соприкосновение с Россией вызывает у поэта прилив «сверхчеловеческой» любви к ней, которая явно выходит за границы естественной любви к родине. (И подобное, конечно, мы видим не только у Есенина, но у него – в высшей степени.) Следовательно, Россию любят, как мы уже подчеркивали, не только потому, что она – Родина, но и по другой причине, именно в силу ее таинственного притяжения к себе, в силу ее метафизических качеств.

Следовательно, так важны со всех точек зрения русское самопознание, русскоискательство, духовное проникновение в Россию, и так важна русская литература, которая служит этому.

Кроме того, в этой беспредельной любви к России ключ к замечательному отрывку из Есенина:

...Но и тогда,
Когда на всей планете
Пройдет вражда племен,
Исчезнет ложь и грусть, —
Я буду воспевать
Всем существом в поэте
Шестую часть земли
С названьем кратким «Русь».

Ибо здесь налицо не просто любовь к своему, к родному началу, но и связь с чем-то, чего нет на этой планете и что придает, следовательно, космологический и метафизический смысл любви к России («Никакая родина другая не волеет мне в грудь мою теплынь»)¹⁴. Эта любовь настолько велика и необычна, что Есенин даже предпочитает Россию раю:

Если крикнет рать святая:
«Кинь ты Русь, живи в раю!»
Я скажу: «Не надо рая,
Дайте родину мою».

¹⁴ Иными словами, «растворение» во всей планете, духовная ассимиляция, означало бы не только потерю России как Родины, но и потерю чего-то крайне существенного (духовного), что содержится именно в России. Однако полное понимание истинного значения этих стихов, как и других, приведенных ниже («Если крикнет рать святая»), во всем их далеко идущем подтексте, может быть основано не на ограниченном европейском, точнее западном, мышлении, а на восточном (индусском) метапознании.

Словом, любовь к России не может быть заменена, компенсирована ничем вообще: ни предполагаемым будущим благополучием на этой планете, ни даже бытием в иных духовно-космических сферах.

Конечно, такая любовь, которая проявлена и в русской литературе, и в русской истории, не может быть объяснена обычной любовью к Родине. Для того чтобы ее понять, надо понять сам объект любви: Россию, русскую землю, Русскую Душу, ибо все это в общем единое.

В конечном итоге перед лицом есенинской поэзии вы как бы теряете все критерии, вступая в иной пласт поэтической реальности. Пожалуй, только два творца в русской литературе – Есенин и Достоевский – достигли того предела, который сводил с ума (почти в буквальном смысле слова) некоторых читателей. Это, разумеется, не литературный и даже не философский критерий, но, во всяком случае, критерий «необычности» воздействия на уже неуправляемые бездны души.

Это сравнение – Есенин и Достоевский – несомненно, нуждается в дальнейшем углублении. На первый взгляд это странное сравнение, но на самом деле наш величайший писатель-урбанист, певец Петербурга, надломов и взлета городских душ, и наш величайший поэт деревни родственны друг другу. Это две стороны одной и той же медали, имя которой – Русская Душа. Как в том, так и в другом случае мы видим предельную, чисто русскую искренность и обнаженность, ведущую в конечном итоге к феномену полного неотчуждения, – неотчуждению не только от читателя, но и, главное, от первоначального источника, от самого источника жизни и бытия.

Правда, такая неотчужденность – свойство русской культуры вообще, но своего предела она достигает именно в творчестве Есенина и Достоевского. Самый великий русский урбанист и самый великий русский деревенщик соединяются в своих глубинах... Но когда речь идет о Есенине, вы переживаете настолько полное погружение в вашу собственную сущность, что оказываетесь на другом, еще неизвестном берегу поэзии...

«Прощай, сказка», – кажется, сказала о Есенине какая-то женщина, которая увидела его мертвым во время похорон. Но сказкой, то есть чудом, является в данном случае Русская Душа.

У Достоевского все бездны, которые он изобразил, и есть откровение этого чуда, то есть Русской Души. Он подошел к ней с иной стороны, чем Есенин. Но ясно, насколько это переплетено, связано воедино.

До некоторой степени обычный анализ бессилен, когда речь идет о поэзии Есенина, ибо он упускает главное. Это уникальный случай в мировой поэзии. Сравнить поэзию Есенина можно не с поэзией других, а с последними предсмертными словами... Хотя это и великая поэзия, но это и нечто большее, как сама рана больше здоровья, ибо в ране есть и боль, и остаток здоровья, а в здоровье нет боли.

Тайна есенинской поэзии не только в ее образах и в ее интонациях – но и в том, что в ней заложен намек на то, чего нет и не может быть в словах. Стихи Есенина выводят к истокам, где уже язык бессилен и наступает власть великого молчания («я молчанью у звезд учусь»). В этом отношении поэзия Есенина близка Упанишадям, вечному Востоку; неудивительно поэтому, что, насколько я слышал, индусские студенты, изучающие у себя на родине русский язык, так любят Есенина.

Гениальность – обычный гость в русской культуре от Андрея Рублева до Хлебникова, но Есенину каким-то чудом удалось то, что выходит даже за пределы концепции гениальности. Это новое качество можно назвать как угодно, но истоки его – в конкретном соприкосновении с тайной России, ибо именно эта тайна вызвала из небытия есенинскую поэзию...

Поразительно, что в стихах, относящихся к России, даже в случае, если мы имеем дело не с великим поэтом, а просто с поэтом, это ощущение, познание чего-то необыкновенного, волшебного-национального и в то же время реального, пронизывающего все существо

и бытие человека, неизменно присутствует. Очевидно, это свойственно русскому человеку вообще, что, кстати, крайне важно. Так, в современном эмигрантском журнале поэт Нина Новосельнова пишет в стихах о Родине:

...Как мечтала я, дерзкая грешница,
Что до таинств твоих доберусь!
До глубинных, былинных, языческих,
До твоих изначальных слов.
Все равно их из сердца не вычеркнуть,
Все равно они в тысяче снов.

Эти «изначальные слова» тоже определяют органическое единство русского человека и его Родины. И опять:

Будут новые дни, обычаи,
Но твое золотое дно
До конца разгадать и вычерпать
Никому еще не дано.

Таким образом, мы можем утверждать на основании опыта поэтов и писателей, их интуиции, но, главное, на основании опыта практически всех русских людей, что Россия предстает как сфинкс, разгадать которого еще никому не дано. Действительно, если перейти в самые высокие этажи бытия, то, пожалуй, необходимо сейчас напомнить, что ни одно духовное движение, ни одна духовная реальность, которые существовали в России на протяжении ее истории (от еще непознанного так называемого язычества до славянофильского мессианства, например), не исчерпали Россию до конца. В этом я абсолютно убежден. Философско-эзотерическая символика русской матрешки как нельзя лучше выражает эту ситуацию: как в русских пространствах таятся иные пространства (Андрей Белый), так и матрешка выражает бесконечность русскоискательства, но каждая открываемая матрешка еще не есть конечная суть России. Этот ряд может быть продолжен, искательство направлено внутрь, но при всем углублении вы все-таки неизменно встречаете Россию.

При этом важно, что каждая фундаментальная духовная реальность в России, несмотря на то что она не исчерпывает сущность России до конца, все-таки имеет явное отношение к сути России, и поэтому любая из них не может быть отброшена, и все они вместе, образуя космос русских планет, должны сохраняться, ибо на них лежит отблеск русского солнца, русского центра, несмотря на их порой внешнюю противоречивость. Ничто из фундаментально созданного не должно разрушаться...

Стихи Волошина о России убедительно показывают, каким образом благодаря своей любви и боли за Россию создается поэзия, которая, естественно, занимает одно из высших мест в русской литературе. Причем стихи эти глубинно-пророческие, вскрывающие многие болевые точки существования России.

В поэзии Волошина мы видим не только святую Русь, но и ее «обратную» сторону, то есть окаянную Русь, великую, темную, пьяную. Эта окаянная Русь – частый гость у Есенина, Блока, Андрея Белого. Но окаянство этого темного лика России вовсе не онтологический, мертвый, безысходный тупик, в котором находится сейчас внешне живая, активная, но похожая на деформирующийся духовный труп западная цивилизация. Это окаянство часто ведет к покаянию и, следовательно, к просветлению, к надежде. Оно, это окаянство, связано с жизнью, с тайной ее тьмы и со светоносной реакцией на эту тьму, которая воздвигает реальный свет, а не обычный самообман.

Совершенно особой фундаментальной категорией в русской литературе является бытие, не только бытие вообще, но и русское бытие, которое как раз нас и интересует. Правда, оно глубже всего выражено в прозе: у поэзии меньше средств для этого. Проза Толстого, Гоголя, Достоевского, Гончарова, Лескова, Горького («Городок Окуров»), Андрея Платонова, Ремизова, Пришвина и некоторых других образует этот универсум русского бытия, вселенную национального экзистенциализма, но его исследование уже выходит, конечно, за рамки этой работы.

Помню, как-то после лекции в начале 80-х годов я сказал два-три слова о России моим слушателям, и вдруг меня поразило высказывание одного из них, англичанина. Он сказал приблизительно следующее: «Самое удивительное в русских то, что они задают, притом с такой страстью и с таким интересом, вопрос самим себе: что такое Россия? У нас никто не задает себе вопрос, что такое Англия? Это звучало бы полным абсурдом. Все знают, что Англия – просто страна с парламентом».

Через всю русскую патриотическую лирику проходит восприятие России как страны фантастической, как страны чудес, как страны невидимого града Китежа¹⁵. Клюев пишет: «И страна моя, белая Индия, преисполнена тайн и чудес». У Есенина мы читаем:

Уж не сказ ли в прутняке
Жисть твоя и былль,
Что под вечер путнику
Нашептал ковыль.

Есенин знал народную культуру в такой степени, в какой сейчас ее не знает никто. Удивительным образом он сочетал в себе видение России, в котором фантастическое и реальное соединялись воедино. Это было возможно потому, что в действительности же эта «фантастическая» Россия отнюдь не была фантастической. Она содержалась как некое внутреннее зерно в любом самом обычном русском проявлении.

Надо было только уметь это видеть, видеть даже в «шепоте» ковыля. Тем более это можно видеть в Русской Душе. Как писал современный русский поэт Валентин Провоторов:

Русь, ты где? Потаенным эхом
С колоколен пустых гудет:
Ныне я слита с человеком
И незрима для тех, кто скот.

Способность воспроизводить целые миры известна из индуистской метафизики и космологии. До тех пор, пока жив подлинно русский человек, живет на этой земле и Россия.

Непосредственно с этим видением России связано знаменитое тютчевское стихотворение «Умом Россию не понять»; кроме того, оно математически точно выражает идею величия России, так как то, что можно понять умом, недостойно истинного величия.

Поскольку именно ум, в высшем смысле этого слова, образует общий принцип этого мира и человека в нем, то приведенный стих означает, что Россия, как она понимается на потаенно высшем уровне Русской Души, выходит за пределы мира как такового. Сама концепция вселенной есть ограничение, прежде всего, ограничение бесконечности России и

¹⁵ Русская классика, при всем ее мировом уровне, включает в себя в лице национальных русских гениев, таких, например, как А. Блок, С. Есенин, Андрей Платонов, еще и надмировой, русский уровень, уровень распознавания тайны самой России, и потому к их обычному универсальному гению прибавляется еще таинственный гений Русской Души, что и делает русских писателей, особенно это видно у Достоевского и Есенина, как бы писателями вдвойне: писателями мира сего и писателями России, России, которая не вмещается в этот мир.

русской идеи, выходящей за рамки этого мира и на своем высшеэзотерическом уровне – за пределы миров вообще. Поэтому русскоискательство приобретает не только космологический характер, но и характер, который выходит за пределы космологии¹⁶.

Это означает также, что в каждой индивидуальной Русской Душе хранится некое сокровище – отражение всей России или, собственно говоря, сама Россия, ибо действительно Россия – внутри нас. Эта «Россия внутри нас» создает основы для духовного, психологического и социального единства русских людей. Правда, в действительности этого единства не так-то просто достичь. Волошин в своих удивительных стихах писал:

Эх, не выпить до дна нашей воли,
Не связать нас в единую цепь!
Широко наше Дикое Поле,
Глубока наша скифская степь!

Тем самым он фиксирует многоплановость, «разрозненность» нашего бытия. В нем разные пласты, разные уровни русского проявления: от языческого до мессианского или славянофильского – образуют многосферность России. Однако противоречия этих пластов, этих сфер – лишь мнимые, ибо на уровне вечности они сведены к единому центру – России.

Поэтому, несмотря на весь разрыв, существует глубокое внутреннее мистическое единство между всеми русскими людьми, независимо от их воззрений и других различий. Правда, в некоторые трагические периоды оно, казалось, рушилось или уходило куда-то в самую глубь, а на поверхности были трагические междоусобицы еще в Древней Руси, гражданские войны, ставившие под вопрос само существование России. Однако в другие эпохи оно торжествовало и побеждало...¹⁷

Это единство скрытым образом проявлялось даже в 1917–1920 годах, когда и белые, и красные были одинаково соединены нитью любви к есенинской поэзии, то есть нитью любви к России, продолжая на трагикомической сцене истории убивать друг друга. Именно поэтому Волошин с такой болью и любовью в душе писал: «Молюсь за тех и за других».

Таким образом, глубинное единство существовало даже тогда, когда в социальном плане были кровь и трагедия.

Тем не менее если оставить в стороне трагические страницы нашей истории, а взять просто русскую жизнь, то можно часто наблюдать трепет этого тайного невероятного единства, несмотря на весь сор повседневной жизни. Несомненно, русских людей объединяет это существование России в каждом из них. Оно и создает бездонное мистическое единство, ибо в каждом русском человеке другой видит свою собственную сущность и тайную душу. Если это проявляется даже моментами, это уже неизгладимо на всю жизнь.

Следовательно, эта «Россия внутри нас» создает основу для глубокой духовной любви между всеми русскими людьми. Эти любовь и единство – одна из дорог к нашему национальному спасению. И недаром даже в своих лирических стихах Есенин писал:

Ты мне пой. Ведь моя отрада —
Что вовек я любил *не один*¹⁸

И калитку осеннего сада,

¹⁶ Все это может быть понято лишь в контексте всей метафизической доктрины России в целом, о которой речь будет ниже.

¹⁷ Поэтому было бы крайне желательно, чтобы это внутреннее мистическое единство было доведено до уровня постоянной социальной и психологической реальности.

¹⁸ Курсив мой. – Ю.М.

И опавшие листья с рябин.

То, что он не был одинок в этой любви, и составляет одну из форм единства в русском море¹⁹.

Да, и такой, моя Россия,
Ты всех краев дороже мне.

Итак, здесь России «окаянной» вовсе не противопоставляется Святая Россия, а в самой грешной России видится некая притягательность, зерно, благодаря которому даже в греховных проявлениях России содержится что-то особое, какой-то скрытый выход или уровень, делающий любые формы ее бытия тайно драгоценными... Конечно, это стихотворение может пониматься и в том смысле, что ничто внешне негативное не в состоянии осквернить или изменить высшую суть России (но при этом, более простом понимании «окаянная» Россия уже как бы оправдана из-за высшей России).

Другая интерпретация: «окаянная» Россия является просто негативной, черной тенью высшей России, неизбежной платой за нее.

Таким образом, рассматривая лишь часть русской литературы, мы можем заключить, что русская литература учит русских быть русскими, что она фактически имеет для нас священный характер, ибо в ней отражены важнейшие, глубинные, тайные, имеющие огромное значение для будущего планы нашего бытия.

Эта сакральность (для национальной жизни) русской литературы имеет фундаментальное значение, тем более наша литература некими внутренними нитями связана с душой Древней Руси...

Всепроникающая интуиция, подкреплённая глубокими исследованиями, позволяет видеть некую многозначительную отстраненность внутреннего бытия Древней Руси, как от Византии, так и от Запада. Разумеется, поздно вышедшая на сцену истории Древняя Русь должна была что-то заимствовать, преломляя по-своему «чужое» и превращая его в свое. И, оставаясь внутри себя самобытной, она ожидала (и ожидает в лице России) своего высшего мистического часа.

Изначально она жила только своим. Отсюда эта внутренняя отстраненность Древней Руси и России вообще от всякого исторически ограниченного бытия (и от Византии, и от латинского мира), что бы с ней ни происходило, какие бы одежды она ни надевала, какие бы силы ею ни правили, внутри она оставалась сама собой²⁰.

¹⁹ Абсолютно иной, но весьма важный аспект любви к России выражает известное стихотворение Блока «Грешить бесстыдно, непробудно», в котором описывается «окаянная» Россия, где грешат, «счит потеряв ночам и дням». Но поэт заканчивает: Да, и такой, моя Россия, Ты всех краев дороже мне.

²⁰ Кстати, Чаадаев благодаря своей философской интуиции подметил некое несоответствие между мировой историей, особенно западной, и нашей, русской. Это заставило его сделать негативный вывод относительно России и русской истории. В этом явно сказалась ограниченность его метафизического дара. Кроме того, его, видимо, попросту пугала загадочность русского бытия и неместимость России в мир. Он не понимал того, что на каком-то уровне это «несоответствие», «неместимость» говорят о величайшем метафизическом предназначении России, о том, что на своем высшем уровне русская идея вообще выходит за пределы этого мира и тем более истории как таковой. С другой стороны, Пушкин и славянофилы, указывая Чаадаеву на величие русской истории и ее «вместимость» в мировую, были совершенно правы. Потому что, на известном уровне, это действительно так. Чаадаев был слеп в этом отношении. Но, главное, спор шел о совершенно разных уровнях. На определенном уровне идея России выходит за пределы истории человечества, с ее ограниченностью, и Россия действительно как бы «выпадает» из истории (что и подметил Чаадаев, но сделал из этого неверные, негативные выводы, не поняв характера этого «выпадения»). Но на другом уровне Россия вполне вписывается в историю этого человечества. Более того, мессианские идеи, например, вера, что Россия с ее глубинно-великим православием как бы завершает (или завершит) историю христианской Европы, – вполне понятна и укладывается в этот уровень. Эти два уровня («неместимость» и «всечеловечность») не отрицают друг друга, а совмещаются (по принципу дополнительности). Как уже неоднократно подчеркивалось, внешне противоречивые уровни сущности России на самом деле сосуществуют.

В своей колдовской глубине, в своей загадочности, в своей последней невыразимой экзистенции она, Россия, принадлежит только себе. Ее отстраненность – знак ее высшего предназначения. Россия не захотела стать продолжением греко-латинской цивилизации, ее сущность находится даже по ту сторону синтеза Востока и Запада (хотя ее связь с Востоком глубже), ибо все подобное составляет лишь более или менее относительные уровни ее исторического бытия. Ее отстраненность и в то же время всечеловечность (христианское мессианство, восточный аспект России, синтез Востока и Запада, евразийство, «шестая цивилизация») таинственным образом соединяются в ней. Но отстраненность в конечном итоге дает возможность будущего пути для нее, не связанного с ограниченностью этого мира, даже в его высших возможностях.

...«И в тайне ты почиешь, Русь», – и современная русская литература, и Древняя Русь, и Московская Русь связаны одной священной нитью²¹. И бесчисленные алмазы московских цариц, томившихся под их тяжестью, – лишь символы русского будущего, этой ноши, еще не реализовавшей себя.

При патриотическом мировоззрении – самобытность, глубина и величие собственной национальной культуры и национального самосознания не являются поводом для подавления других народов. Но право на собственный путь, глубинную самобытность и духовный суверенитет – неотъемлемые права народов.

Националисты преднамеренно искажают духовное развитие народов в угоду дикому и отвратительному стремлению доминировать над другими нациями и извлекать из этого огромную материальную выгоду.

Но эта невыраженная, ожидающая своего звездного часа сущность России, тем не менее, уже наяву. Она трепещет и в русской народной музыке, и в поэзии, и в священном звучании русской речи, и в фольклоре, связывающем и Русскую Душу, и русскую землю, и дух предков воедино...

Обратим внимание также на феномен повседневного русского бытия, которое на самом деле никаким повседневным не является, ибо в нем (что ясно из метафизического анализа русской прозы, например, гениального Платонова²²) содержится некий странный повседневный элемент, и даже «ирреальный».

Эта неординарность русской жизни часто заключена в самых обычных ее фактах, но Запад не может понять их внутренний смысл; мы же к ним привыкли. Тем не менее только мы можем их по-настоящему истолковать и понять. Таким образом, даже самое простое русское бытие включает в себе метафизику.

Мы пока особенно не нуждались в «книжной» метафизике, ибо сама русская жизнь – пример живой метафизики, воплощенной, тем не менее, в бурную жизнь, в зримую форму. На Западе мысль в основном развивалась горизонтально, на Востоке – вертикально, к Небу,

²¹ Желательно отметить, хотя это и не относится к теме данной работы, коренное отличие между патриотическим мировоззрением, неотделимым от русской культуры, и мировоззрением националистическим. Эти два мировоззрения отличаются друг от друга вовсе не степенью любви к Родине, а ее характером и направленностью. Патриотическое мировоззрение, до какой бы степени оно ни было самобытно и глубоко, абсолютно совместимо с любовью и уважением к другим народам. Суть националистического мировоззрения – отнюдь не в любви к Родине, а в первую очередь в желании доминировать над другими народами. России глубоко чужд национализм; уважение к другим народам и даже жертвенность – вот черты русской нации. Вспомним, например, какой чисто духовный, лишенный политических амбиций характер носила любовь к России у знаменитого славянофила Хомякова, любовь, основанная на православном миропонимании (стихотворение «России»).

²² Не говоря уже о XIX веке, XX век, если брать его в целом, дал России великих прозаиков, произведения которых имеют фундаментальное и вечное значение, выходящее за пределы литературы в узком понимании этого слова или всякой «злободневности». Некоторые из них – властители умов, преобразившие сознание людей. Но, по крайней мере, каждый из них сотворил глубинный духовный космос, многоплановый уникальный мир, в подтексте их творчества лежала самобытная философия жизни. Таковы в XX веке – Андрей Платонов, Андрей Белый (первооткрыватель модернистской прозы нашей эпохи), Михаил Булгаков, Набоков, Горький.

но в России, хотя она имеет и первое, и второе качество, она идет не известными никому извилинами великорусскими переулочками, где уже непонятно, где вертикаль, а где горизонталь. Ключевский, кажется, заметил только внешнее сходство этих переулочков с психологией великороссов. На самом деле символика сходства проходит на гораздо более глубоком уровне, чем чисто психологический.

Кроме того, русское бытие заключает в себе одно интересно-глубинное «противоречие»: хотя в самых простейших формах оно заключает в себе некоторую метафизику, тем не менее, русские часто ставили перед собой еще и отдаленные, почти «фантастические» цели, которые совершенно возвышались над обыденной жизнью. Может быть, это связано уже с другой стороной Русской Души: со склонностью задавать самой себе как будто бы «неразрешимые» (на человеческом уровне) вопросы...

Нам не простят, если мы будем сами собой, – приблизительно так сказал Достоевский.

Но за право быть самим собой не просят ни у кого прощения – это право дано самим Творцом. И отступление от него равносильно самоубийству. Вероятно, именно этого от нас и хотят...

Проникновенное стихотворение Волошина «Россия. 1915 год» представляет собой некий пророчески-таинственный узел русскости:

Сильна ты нездешней мерой,
Нездешней страстью чиста,
Неутоленной верой
Твои запеклись уста.

Дай слов за тебя молиться,
Понять твое бытие,
Твоей тоске причаститься,
Сгореть во имя твое.

«Сильна ты (Россия. – Ю.М.) нездешней мерой» – то есть Россия остается Россией только тогда, когда в ней заключена некая сверхценность и высший смысл, но все, чем она живет духовно, как бы высоко оно ни было, не утоляет ее уста. Ее духовное пространство, как и физическое, бесконечно, и любая узкочеловеческая идея исчезает в ней, как дым...

Естественно, что Волошин заканчивает это исключительное стихотворение настоящей молитвой, гностическим трепетом, тоской, уходящей в пространства таинственного знания: «Понять твое бытие...»

Россия здесь и цель, и осуществленная реальность одновременно: в ее видимом бытии есть, кажется, вся ее тайна, не нуждающаяся в какой-либо исторической реализации, ее надо только видеть, понять, а с другой стороны, в ней видится нечто иное, что не под силу никакой истории, о чем можно говорить только в терминах космологической реализации, в терминах Вечной России.

И наконец, поэт говорит: «Твоей тоске причаститься...» То есть русская тоска не есть нечто безысходное, тупиковое, совершенно напротив, – это зов в великое неизвестное... Все, якобы разрушающее в Русской Душе, имеет свою светоносную сторону, и «сгореть во имя твое» – не значит исчезнуть, но это значит духовно стать полностью русским, слиться с таинственно неисчерпаемой судьбой России. А сгореть должно все мелкочеловеческое во имя воплощения Родины в собственной душе.

И веди же вперед, моя грозная муза,
по великим дорогам необъятной Отчизны моей, —

эти божественно русские слова Заболоцкого да будут в нашей душе, ибо град поэзии, град искусства и русский град нового Китежа есть в каждой нашей душе.

Глава вторая

Русская проза

До сих пор мы в основном погружались в духовную стихию поэзии (в ее отношении к России), теперь настало время великой русской прозы. Замечательно точно одну ее важнейшую сторону определил Вальтер Йенс в статье «О России с любовью» (Литературная газета. 1990): «Русская литература осветила такие сферы, которые оказались недоступными западной литературе, а именно: душевные бездны человека, его постоянную готовность соскользнуть в экстаз или грезы... все это чувствуется в любом безобидном или даже поверхностном с виду диалоге у Чехова: ощущение, что в любой миг такой обыденной нашей жизни может произойти что-то ужасное, чудовищное, непоправимое».

Для дальнейшего раскрытия Русской доктрины это очень важно: в русской литературе (а она фактически «тождественна» русской жизни) для героев характерно периодическое соскальзывание в Бездну (даже при «нормальном» течении жизни), в провал, вдруг образующийся при неожиданном изломе бытия, чувство его неустойчивости, ощущение катастрофичности и апокалиптичности земной жизни. С этим связана и другая ее черта – непомерная глубинность, отсутствие поверхностного блеска западной литературы, выход в тайники сознания, способность превращать литературу в форму жизни и смерти, «бить» в самое сердце, когда текст становится постоянным фактом внутренней жизни человека. «Наши писатели точно заключили в себе черты какой-то высшей природы», – еще на заре русской классической прозы писал Гоголь.

Другая уникальная черта русской литературы, важная с нашей точки зрения, – ее связь с русским бытием, даже, казалось, самым простым его проявлением, но взятым во всей его особенности, странности и тайной многозначности. Но к этому я вернусь ниже.

И все же, несмотря на уникальность и обилие гениев, в центре русской литературы стоит, несомненно, Достоевский – непомерная боль наша, поток, океан, крик, вырывающийся из тайников нашей души. О Достоевском так много написано во всем мире – больше, чем о каком-либо русском авторе... но нас, прежде всего, интересуют глубины его связи с Россией. Точнее, как неоднократно писалось, Достоевский – это и есть Россия, во всяком случае, из видимой части русского «айсберга» наиболее значительная часть его.

В центре всех откровений Достоевского о России мы поставим такую мысль: «Истина в России носит фантастический характер». Это «высказывание» действительно фундаментально, оно обнажает тайную основу бытия России, и в конце будет совершенно ясно, почему мы выделили это положение, подтверждаемое всем ходом русской истории и самодвижением русского духа. Достоевский, конечно, не мог предвидеть, например, какова будет русская идея через двести – триста лет (после его смерти), но незадолго до нее он пророчески говорил: «Будущая самостоятельная русская идея у нас еще не родилась, а только чревата ею земля ужасно, и в страшных муках готовится родить ее». Здесь важно слово «самостоятельная», которое обращено к «автономности» русской идеи, ее независимости от чего-либо, ее уникальности.

Третье фундаментальное положение: «Я думаю, самая главная, самая коренная потребность русского народа – есть потребность страдания, всегдашнего и неутолимого, везде и во всем». Если перевести эту «потребность» из разряда «социально-психологических» в чисто метафизическую сферу, с которой она тоже, несомненно, связана, то выводы, особенно в плане того, что стоит за этой «потребностью», будут поразительны и могут привести нас к «раскрытию» русской метафизической идеи. С этим положением, несомненно, связана также и следующая мысль Достоевского о русском народе: «Жажда правды, но не утолен-

ная», – когда он говорит о таком нашем качестве, как духовное беспокойство, духовная тревога.

Напомним о других наших национальных качествах, которые отмечал Достоевский (особенно удачно писал о них Бердяев), ибо в последующем будет неизбежна метафизическая интерпретация их скрытого смысла. Это прежде всего: парадоксальность и противоречивость Русской Души (ее антиномичность); ее широта, безграничность, необъятность; апокалиптические черты; хаос, «бездность»; всечеловечность и «примирение идей»; отношение к Богу; «второе пришествие будет в России», «метафизическая истерия русского духа» («неподчиненность пределу и норме»), «забвение всякой мерки во всем... дойдя до пропасти, свеситься в нее наполовину, заглянуть в самую бездну»; богоискательство, максимализм, сиротство... Особо следует обратить внимание на «потребность отрицания», на «саморазрушение» и обратную реакцию – самоспасение; наконец, тайное желание подрыва «мировой гармонии», ощущение ее недостаточности, несовершенства именно потому, что это всего лишь «гармония»... И последнее: познание зла у Достоевского, видимо, идет до конца, причем в том ключе, как это может быть именно у гениев, творцов, взявших на себя бремя Целого, а не только путей к спасению. По Бердяеву, это называется «гностические откровения о человеке» (у Достоевского), но, пожалуй, это идет дальше...

Сравните, однако, известную интерпретацию Ставрогина Бердяевым: «Николай Ставрогин – это личность, потерявшая границы, от безмерного утверждения себя потерявшая себя»; «ему мало бытия, он хотел и всего небытия, полюса отрицательного не менее, чем полюса положительного»; «потеря себя в безграничности». И, в конце концов, зло для Достоевского «тоже путь», «через гибель что-то большее открывается, чем через религиозное благополучие»; у Достоевского – вся Россия с ее светом и тьмой. И внезапно (по Бердяеву) лик Достоевского двоится: бездонная высь... и бездна внизу. И отсюда Бердяев заключает: «Из великих художников мира по силе ума с ним может быть сопоставим лишь Шекспир...», главное, однако, – по Бердяеву – в изображении вечной сущности человека, «скрытой, глубинной, до которой еще никто не добирался». И даже больше: у Достоевского светлое и темное – в «глубине Божественной природы». В конце концов Бердяев утверждает, что творчество Достоевского есть откровение о Русской Душе. Особенно Бердяев подчеркивает апокалиптичность человека у Достоевского, его полярность (Богочеловек и человекобог), ненависть русского человека к рационализму и к псевдоустройству мира (« $2 \times 2 = 4$ есть уже не жизнь, господа, а начало смерти»). Бердяев видит в русском человеке Достоевского все противоречия мира и, что важно, единение души Азии и Европы, и как следствие, русский человек (всечеловек) сложнее и глубиннее человека Запада. А значит, за ним будущее, – добавим мы.

Надо вместе с тем отметить, если говорить о творчестве Достоевского в целом, особенно о его общечеловеческом аспекте (сам ведь Федор Михайлович писал: «Мы обладаем гениями всех наций и сверх того русским гением»), что в своей прозе Достоевский вызывает из глубин такие «темы», некоторые из которых на чисто человеческом уровне неразрешимы, и, чтобы шагнуть дальше (русский максимализм!), надо расстаться с представлениями о себе как об индивидуальном существе и перейти на другой уровень – представленный только в восточной метафизике. Тогда некоторые проблемы отпадут сами собой... Но в сфере «русскости» Достоевский непревзойден, однако его откровения нуждаются в интерпретации их в другом плане, чем чисто антропологический.

И завершающая «особость» Достоевского – в необычайной, неслыханной интенсивности и качестве его любви к России. Здесь с ним может сравниться только Есенин, гениальность которого была, несомненно, связана с принципом именно русской гениальности. А между ними – Блок, но о нем разговор не кончен. Теперь время немного коснуться Н. В. Гоголя и его России. Все тексты здесь хорошо известны, но «текст» становится абсо-

лютно новым, если на него взглянуть с иной, чем обычно, стороны. Два великих, всем известных отрывка из «Мертвых душ» являются классическими и ключевыми для гоголевского отношения к России: «Русь, Русь, вижу тебя...» и «Не так ли и ты, Русь...». Что, однако, может быть в них самым глубоким для нас в смысле исследования и воссоздания русской идеи из тьмы скрыто-сокровенного? Прежде всего, «какая же непостижимая тайная сила влечет к тебе (к России. – Ю.М.)?» и опять: «какая непостижимая связь таится между нами?». Вспомним, это – тот же мотив, который все время звучал в русской поэзии, но здесь, пожалуй, слово «непостижимая» все больше сближается со «сверхъестественным» («неестественной властью осветились мои очи», когда русское «пространство страшною силой отразилось во глубине моей»). Слово «сверхъестественное», или, точнее, «высшее естественное» по смыслу означает пришедшее из других, высших миров, ибо все, что принадлежит нашему миру, для нас «естественно».

Здесь, на мой взгляд, в этих двух отрывках в целом, интуитивно или даже бессознательно выражена также связь России с силами, которые связаны с ней и охраняют ее. Вторым важным моментом – замечание о «переживании» тоски. Но подлинное значение принципа «русской тоски», проходящей красной нитью через нашу культуру, будет определено в итоге. И, наконец, знаменитый финал «Мертвых душ» – о «наводящем ужас движении»: «Русь, куда ж несешься ты? Дай ответ! Не дает ответа». Это место часто интерпретировалось только в социально-историческом ключе, между тем как его метафизический смысл совершенно меняет всю картину, и русская метафизическая доктрина должна ответить на вопрос, почему «не дает ответа»...

Гоголь, при всей своей великой интуиции, только ставил такие вопросы (и в этом уже его исключительная заслуга), но ответить на них было трудно даже для него... «Велико незнание России посреди России», – признавался он. Но причина этого не в нашей мнимой духовной «незрелости», а в бесконечной, превосходящей всякое воображение непомерности России.

Обратимся теперь к другому провидцу идеи русской – скромному, мало понятному по образу жизни, но «тихому» Гончарову. Речь, конечно, может идти только о его романе «Обломов». Психологический или социальный анализ этого образа, в силу ничтожности таких подходов, ничего глубинного и тем более русского не дает. Если же говорить о философской интерпретации этого романа, то здесь можно отметить не отрешенность Обломова от мира, а, скорее, «отвращение» не только к обычной мелкой «активности» и обыденности, но и ко всякой оформленности, воплощенности, определенности, фиксации (черта России, которая не раз отмечалась как русскими, в частности Флоровским, так и западными исследователями). Но подоплека такого «отвращения» имеет явные метафизические смыслы, ибо говорит она о том, что Русская Душа отворачивается от всего «фиксированного» во имя того, что скрывается за «туманом» великой неопределенности и хаоса...

Обломов отказывается от «жизни», потому что не видит в ней ничего, что его настоящему привлекает, – и отсюда паралич воли, а не наоборот. «Не видит» же он «ничего» (кроме опостылевшей «обыденности»), потому что его «личная» душа не воплощена до полного мистического архетипа Русской Души. В этом его трагедия – ибо, отворачиваясь от «обыденности», он не идет дальше. Его неудачная жизнь – это плата за грандиозность Русской Души, точнее, за неполное воплощение.

Завесу над «тайной» немного приподнимает творчество другого великого писателя – Андрея Платонова. Вообще говоря, настоящее осмысление Платонова – дело будущего. Но здесь необходимо подчеркнуть следующее: герои Платонова (я имею в виду его лучшие вещи, «Котлован», «Чевенгур» и т. п.) – это анти-Обломовы в том смысле, что они не только вышли из «обыденности», но и активно живут и действуют в достигнутой «неординарности». Произведения Платонова – это мир выпадения из рациональной вселенной,

достигнутый как результат высшей «отключенности» его героев и их связи с первобытным, но великим хаосом. Одновременно мы видим там стремление к «последней правде», в ее, однако, самом тайно-архаическом значении. Это явно перерастает смысл социальной утопии²³, здесь говорится о попытке прийти к некоему планетарному раю. Но дело не только в этом. Два момента творчества Платонова имеют (в плане русской метафизики) особое значение: прежде всего его язык и потом концепция бытия. О русском языке как об одном из величайших проявлений русского гения будет речь впереди, но нельзя не отметить здесь некоторые необычные особенности платоновского «языка» (а следовательно, и «духа»): уход в провал, в нарушение логической структуры, но таким образом, что благодаря этому «нарушению» проявляется реальность, неуловимая обычным строем языка. Это некий «обход» рационального, высшая нелепость, благодаря которой выявляется некий постоянно присутствующий в нас второй план русского бытия, текущий не только в потемках и тайниках нашей души, но и ясно выраженный в самой русской жизни. Этот таинственный второй план русского бытия (вторая реальность) проявляется во всей нашей жизни, вплетаясь в ее «повседневность» и внешне уживаясь с неизбежной дозой «рационализма».

Я предлагаю, например, читателю провести глубокую медитацию, размышление хотя бы над таким текстом из Платонова (имея в виду его язык и внутренний смысл): «...в природе не было прежней тревоги... революция миновала эти места, освободила поля под мирную тоску, а сама ушла неизвестно куда, словно скрылась во внутренней темноте человека». Или: «...с пулей внутри буржуи, как и пролетариат, хотели товарищества, а без пули – любили одно имущество».

Такого рода «предложений», если так можно выразиться, особенно много в гениальном «Котловане». Примечательно выражение «мирная тоска», то есть тоска, когда сняты противоречия и «прежняя тревога» обычной жизни, но, тем не менее, тоска остается, даже когда все хорошо и мирно и все противоречия сняты.

Другая сторона русской тоски и такой необыденной «обыденности» русской жизни (и даже ее второго плана) резко проявлена в некоторых произведениях Горького (вот, кстати, почему творчество Горького любил интуитивист Блок). Горький, в отличие от Платонова, был «традиционный реалист» и очень точный и верный наблюдатель русской, особенно провинциальной жизни. Это тем более ценно, так как в этих произведениях («Городок Окуров», «Жизнь Матвея Кожемякина», «Исповедь», некоторые рассказы из цикла «По Руси» и т. д.) мы фактически видим тот же второй план русской жизни, но только выраженный «на поверхности», «реалистическим», почти «документальным» языком свидетеля.

Эти произведения Горького хорошо известны, но дело в их глубинно-подлинном понимании – в них, конечно, речь идет не только о социальной (или даже психологической) «неустроенности» (это только на поверхности), а об экзистенциальном потоке вопросов и внутренних тенденций в душе людей, причем в провинции, где нет налета «образованности», только затемняющей видение глубинности бытия, в провинции, где все архаически-тайное обнажено и открыто. Именно там этот «второй план» русской жизни и проявляется во всем своем великом течении.

Прелюдией являются вопросы: «Томит меня, а что томит – неизвестно мне... Душу забывать не надо – это точно. Но чего она хочет? (кабы я мог это понимать)». (Горький, «Тоска».) Далее – поток (только надо читать эти вещи внимательно, наблюдая и открывая этот «второй план») идет сквозь описания «обычной жизни».

Исходя также из других наблюдений, создается впечатление, что здесь присутствует не только тоска (без видимой причины), но и определенная «фантастичность» наличного

²³ Очевидно, что «революция» для Платонова означала попытку создания странного земного рая, где нет ни Бога, ни дьявола, а одно бесконечное человеческое бытие.

бытия, которая иногда и приводит некоторых иностранцев к заключению о психологической «инопланетности» русских. «Никому ничего не известно. Тьма!.. Сокрушил бы себя самого», – заключает герой Горького. Иногда же создается впечатление (от такой затаенно-вневременной провинциальной русской жизни), что часть людей как бы выпадает из исторически-нормальной поверхности жизни, со всеми ее социальными, политическими и др. догмами, и люди оказываются ни во что не верящими, кроме собственного бытия, и в то же время порой тоскующими, но не всегда. Некий своеобразный утробно-онтологический солипсизм, порой ищущий выхода, порой, наоборот, очень спокойный и удовлетворенный. В русской провинциальной жизни, несомненно, есть свои глубины именно потому, что она в стороне от столиц (существуют и современные группы, разрабатывающие подобную метафизику); в ней есть то, что «недоступно» центру.

Мы наметили некоторые горячие точки русской духовности (в связи с идеей России), выраженные в ее литературе. В этом плане достойны также глубокой медитации роман А. Ремизова «Крестовые сестры», некоторые его рассказы, роман Андрея Белого «Серебряный голубь», отдельные места из «Мелкого беса» Ф. Сологуба... Наконец, духовная подоплека творчества некоторых других писателей будет рассмотрена в связи с другими темами. Закончим же некоторыми наблюдениями А. Блока (Блока-эссеиста и великого мистика). Например, о Питере: «Окраины очень грандиозные и русские – по грандиозности и нелепости с ней соединенные». Одна из тайн русской «нелепости» – именно в выпадении из мертвой, рационалистической поверхности жизни современного мира, – выпадении, которое дает возможность русским творить вторую реальность, второй план жизни. Естественно, эта мертвая кора, или поверхность, занесена к нам с Запада. «Европа – остров мертвых» – таково определение А. Блока, и сейчас это звучит совершенно «нормально» и признается лучшими из умов самого Запада. Это подтверждает и нынешний Папа Римский. И тем не менее Блок точно отмечает, что в России только «готовится будущее» (будущее в глобально-космическом смысле), а это значит, что все прошлое невероятное духовное и культурное богатство России – только подготовка к этому будущему. Увы, Блок «торопил» его, надеясь даже на революцию, которая тогда казалась многим неким радикальным поворотом, но быстро почувствовал, что это не то и что человеческая жизнь слишком коротка, чтобы измерять ею историю. Но он, заглянувший в Вечную Россию, писавший, что «нашим странствам (в том числе и метафизическим. – Ю.М.) еще суждено сыграть великую роль», завершил все-таки дело своей жизни, пусть в чем-то бесповоротно перейдя черту...

И ушел он, как рыцарь легенды суровой,
За Полярной звездой в фантастический лед.
Поприветствовав век восходящий свинцовый,
Оплатив, не торгуясь, предъявленный счет.

В. Провоторов

Полярная звезда – символ Гипербореи, прародины Русских, а счет он действительно оплатил, не торгуясь, – своей ранней смертью и сломом. Россия для него была, как известно, Мать, Жена, Невеста; Блок погружался в ее древнюю Бездну, в ее снежный вихрь: «довелось Ей (России. – Ю.М.) быть твоей подругой...» и «на высокое самосожжение ты за ней, красавицей, пойдешь». И закончим:

Спи, поэт! Колокола да вороны
Молчаливый холм твой стерегут.
От него во все четыре стороны
Русские дороженьки бегут...

В. Рождественский

Во все стороны, как в русских народных сказаниях, – но куда?

Глава третья

Русская философия

Несомненно, здесь центральные фигуры (особенно в плане оригинальности и самобытности) – Сковорода, Данилевский, Леонтьев, Бердяев, кроме того, ранние славянофилы (особенно Хомяков). Вообще же русская философия самобытна прежде всего тем, что в определенном ее направлении сама Россия становится в ней «объектом» философии (как, скажем, в немецкой философии – Ничто, Абсолютный Дух и т. д.). Такого (в отношении собственной страны) нигде не было. Другим ее оригинальным плодом, как известно, является религиозная философия начала XX века (фактически полубогословие, полуфилософия, с ее идеалом «богочеловечества»). Остановимся именно на познании России, как оно выражено у наших философов. Надо признать, что значение Бердяева здесь достаточно велико, ибо он обладал, видимо, интуицией и философа, и писателя.

Совершенно очевидно, что до сих пор наше искусство, особенно литература и музыка, было по уровню гораздо выше нашей философии, и именно в нашей литературе, самой философичной в мире, удалось выразить многие аспекты скрыто-потенной живой русской философии и в художественных образах выразить философию России и русской личности (в ее отношении к себе и к Богу). Такой прорыв (ведь русскую культуру XIX века называли чудом света – как и, например, искусство века Перикла в Афинах) в метафизическом плане стал возможен потому, что «образ» многограннее «понятия» («концепции»), и в образе может быть заложено то, что практически невыразимо обычным (тем более западным) философским языком. В этом великое метафизическое значение искусства – в том случае, если оно находится на высшем уровне. Кстати, одна из величайших заслуг Бердяева состоит именно в философской расшифровке творчества Достоевского. Другая заслуга Бердяева – его развитие русской идеи, что и интересует нас, естественно, прежде всего. Но он признается: «Для нас самих Россия остается неразгаданной тайной». Такое вырывающееся у многих адептов русскоискательства признание важно потому, что в действительности ничто, что до сих пор существовало духовно в России, не исчерпало ее душу до конца, и потому ее высшая духовность еще должна раскрыться.

Важно и другое точное замечание Бердяева: душа России не покрывается никакими доктринами. Вернее, до сих пор не «покрывалась», но если под «доктринами» понимать нечто, определяемое только рационалистическим умом, то такое в принципе невозможно. Не будем подробно останавливаться на всем известных и очевидных чертах России и русского народа, о которых писал Бердяев (антиномичность, парадоксальность русской истории и души, соединение, казалось бы, несовместимого, общинность, коллективизм, склонность к анархии, пассивность, женственность и государственность, революционный консерватизм, национализм и универсализм, мессианство, тайная свобода, воля и смирение, отсутствие дара «средней культуры», крайности, терпение и бунт, братство и свобода духа, фантастическое духовное опьянение, дионисизм, отталкивание от формы, нигилизм, странничество, скитальчество и в то же время любовь к своей земле, искание Града Божьего и всеобщего спасения, апокалиптичность). Но для дальнейшего изложения особенно важны будут следующие моменты, отмеченные Бердяевым:

1. В русском народе всегда была исключительная, неведомая народам Запада «отрешенность».

2. Устремление Русской Души в бесконечность (по аналогии с пространством России). С этим связано, видимо, и духовное странничество.

3. Перед Русской Душой нет горизонта, поиск «абсолютной правды» и разрешение «проклятых вопросов» – ее судьба.

4. Наконец, религиозно-философский вывод Бердяева: задача России – в раскрытии внутреннего Христа, Бога внутри человеческой души.

На последнем выводе остановимся непосредственно, ибо совершенно очевидно, что эта «задача» совпадает с известной идеей «богочеловечества», выдвинутой русской религиозно-философской мыслью в начале XX века. Для нас, несомненно, важно само стремление русского человека к «обожению», к раскрытию Бога и Царства Божия внутри, хотя реализация этого – уже, естественно, другой вопрос. Здесь, конечно, нельзя не отметить некоторого разрыва между Церковной практикой, с ее «трезвенностью» и осторожным, реалистическим подходом к человеку, и такими стремлениями. Ведь сама реализация «богочеловечества» явно не по силам современному человечеству, ибо очевидно, что «богочеловечество» (и обожение, с ним связанное) – это не просто высоконравственное, очищенное человечество, а такое человечество, внутри сознания которого имеется явно проявленный элемент высшего, божественного самосознания, что фактически превращает «человечество» уже в другую, более высокую категорию существ и меняет всю ситуацию – речь уже может идти, в конце концов, о «новом небе» и «новой земле», о новом космологическом цикле и т. д.

И в самые духовно мощные времена раннего (совсем иного, чем сейчас) христианства обожение рассматривалось как исключительный случай духовного подвига (по благодати), прихода к подлинному сыновству (по отношению к Богу).

Однако не все так безнадежно, как кажется, – даже сама мысль, само «стремление» к богочеловечеству имеет непреходящее значение и практические последствия для души человека. Даже малейшая «подвижка» в этом отношении может иметь судьбоносные и чрезвычайные последствия для человеческой души. Поэтому в начале этой статьи я выделил Григория Сковороду с его мистическим опытом «внутреннего человека», поиском «самосознания» Христа внутри собственной души (что означает, разумеется, не «метафору», а реальное изменение состояния сознания человека или человечества, иными словами, означает соприкосновение не только с историей жизни Христа и его заветами, но и в какой-то степени с самим самосознанием Христа, или Логоса, с Центром Его бытия). Именно это и имели в виду мистики раннего христианства и Средних веков. Поскольку природа у всех Трех Лиц Троицы одна – Божественная, – то метафизически это означает также и «стяжание Святого Духа» – истинной цели христианства.

У Сковороды все это «подано» в виде гораздо более адекватном внутреннему христианскому опыту, чем у философов начала XX века. Картина русской идеи, данная Бердяевым, тем не менее, впечатляет. Ее не сравнить с убогими попытками эпигона средневековой философии Владимира Соловьева дать представление о русской идее.

Теперь вернемся к началу XIX века, к ранним славянофилам. Поскольку наша цель – самодвижение русской идеи, то отметим хотя бы в двух словах хорошо известные положения славянофильства, а именно: 1) идею о том, что национальные русские черты соответствуют во многом христианским началам; 2) о превосходстве православия над другими христианскими течениями – и, следовательно, о России как хранительнице истинного христианства; 3) об историческом возвышении России и славянства.

Первое положение во многом впоследствии критиковалось и казалось многим весьма спорным, хотя, несомненно, важнейшие черты характера народа действительно этому соответствовали, по крайней мере, до начала XX века. Относительно же превосходства православия – это стопроцентно подтвердилось в истории (от Вечности это было ясно само собой, исходя из сущности православия), так как современное западное христианство находится духовно в настолько деградированном состоянии, что оно не только отошло от нормального традиционного христианства, но в своих некоторых протестантских, особенно англосаксонских, ветвях фактически потеряло право называться религией вообще, опустившись ниже не только любой «языческой религии», но даже материализма как такового, превратившись в

подобие политического клуба, сообщества, движения, где все религиозное обесмыслилось и потеряло свое подлинное значение.

Истинная цель таких «движений» – наглое манипулирование, «промыывание мозгов» под маской религиозной лексики. В США довольно много людей посещает такие «клубы», но к религии это никакого отношения не имеет, ибо в лучшем случае здесь все сведено к сфере «психики», но не духа. К тому же на Западе большинство людей сейчас просто индифферентны к вопросам истинно религиозным, что по большому счету еще хуже, чем атеизм.

Таким образом, превосходство православия лишний раз подтвердилось в истории несколько неожиданным образом.

Еще одну черту славянофильства следует подчеркнуть особо – это уважение и прославление свободы, в том числе свободы интеллектуальной и духовной. Таким образом, в России, в стране парадоксов, свобода исторически вполне уживалась и связывалась с «консервативным» и «правым» течением, каким обычно считалось славянофильство. Кстати, Хомяков, величайший философ раннего славянофильства, подчеркивал терпимость и «догматическую сдержанность» православия. Своей вершины позднее славянофильство достигает в философии Данилевского, который, кстати, тоже всегда защищал право на интеллектуальную свободу. Это был ученый-естественник, блестящий антидарвинист, подчеркивающий Божественное происхождение сознания в человеке.

Рене Генон²⁴ в своем фундаментальном исследовании «Власть количества»²⁵ подробно касался разного рода псевдонаучных гипотез и фальсификаций, идеологическая цель которых – внедрить в социальную жизнь грубый животный материализм и отрезать людей от самой мысли о Первоисточнике их бытия и об их действительном происхождении, убедить массы людей в том, что они всего-навсего «рациональные животные», не могущие претендовать на какую-либо форму бессмертия. Сам Дарвин – он был религиозным человеком – не придерживался такого взгляда, его просто использовали.

²⁴ Рене Генон (1886–1951) – один из величайших метафизиков XX века, труды которого имеют фундаментальное значение как для понимания истоков кризиса современной цивилизации, так и для истолкования мировых религиозных и духовных традиций. В Индии Рене Генон считается одним из немногих людей Запада, кто действительно постиг необычайную духовную метафизическую глубину Востока.

²⁵ Guenon Rene. The reign of quantity. England. Penguin Books. 1972.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.